

А.С. Румянцева
Вологодский государственный университет

ПОНЯТИЕ О МЕТАФОРЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА

Статья рассматривает особенности интерпретации коммуникантом переносных значений единиц языка с точки зрения теории биологии познания. Язык рассматривается как одна из биологических функций организма, обеспечивающих его успешное приспособление к окружающей среде и дальнейшее выживание. В этом контексте индивид создает актуальное значение слова каждый раз заново на основе предыдущего опыта интерпретации подобных случаев и с применением наиболее лаконичной ментальной структуры хранения минимальных интегральных и дифференциальных признаков единицы языка – лексического прототипа. В ходе интерпретации метафорических (переносных) употреблений коммуникант, прежде всего, выделяет один признак из совокупности своих знаний о сущности (метонимический перенос). Далее этот признак становится основой для метафорического переноса, в основе которого лежит осознаваемое нарушение привычного положения дел в мире.

Биология познания, биосемиотика, язык, речь, процесс коммуникации, лексический прототип, метафорический перенос, метонимический перенос.

Процесс коммуникации представляет собой чрезвычайно сложный процесс. Для его основательного анализа необходимо принять во внимание огромное количество факторов, условий и ограничений, что достаточно сложно учесть в рамках одной концепции. Вероятно, поэтому в современной лингвистике существует большое разнообразие концепций и теорий, которые позволяют приблизиться к пониманию основ процесса общения между людьми.

Говоря о процессе коммуникации в целом, можно анализировать разные его аспекты: в частности, особенности и условия построения высказывания говорящим или интерпретацию полученного сообщения слушающим и его дальнейшее поведение.

Наиболее потенциально интересной плоскостью для изучения и анализа при этом является процесс восприятия, обработки и генерации смысла полученной информации, поскольку от правильного понимания смысла сообщения зависит успех коммуникации в целом, а также дальнейшее поведение обоих носителей языка и достижение цели общения.

Однако прежде чем анализировать особенности интерпретации смысла высказывания, необходимо разобраться в сущности понятия «язык» и условиях протекания речевого взаимодействия между коммуникантами.

Наиболее перспективной концепцией здесь является «теория биологии познания» – направление, представители которого рассматривают язык как механизм познания, который является частью сознания и лежит в основе поведения людей для приспособления к окружающей среде [21]. При этом наличие сознания служит предпосылкой для выживания и специфической чертой человека, которая определяет его способность к коммуникации [3, с. 102; 21, pp. 29–30]. Обратимся к основным положениям данной теории.

Так, с этой точки зрения, «живые системы» («living systems»), к которым принадлежит человек, – это «когнитивные системы» («cognitive systems»), то есть системы, для которых познание является средством адаптации к окружающему миру [21, p. 13]. Человек обладает нервной системой, позволяющей в процессе эволюции в его ДНК накапливать информацию о среде, в которой он живет (Там же, p. 6). ДНК хранит знание, которое остается «стабильным для организмов на протяжении нескольких поколений». В процессе жизнедеятельности каждый человек также постоянно приспосабливается к переменам окружающей среды [10, с. 204]. При этом любое изменение отражается в его нервной системе в виде определенного измененного состояния активности нервных клеток – нейронов, отвечающих за определенный тип чувств. Это обуславливает поведение организма. Следует отметить, что нервная система постоянно изменяется за счет роста личностного опыта. Это объясняет, почему два представителя одного рода не обладают идентичной нервной системой и, следовательно, структурой тела, которая предопределяет его функции, влияющие на характер процесса коммуникации в целом [21, pp. 18–19, 23].

В течение всей жизни и в процессе общения, в частности, тело человека непрерывно воспринимает сигналы как его внешней, так и внутренней среды, то есть оно выполняет «функцию наблюдателя» («observer»), описывающего свою среду (Там же, p. 14). По всей видимости, без наблюдателя среда неструктурирована. Давая реалиям имена, наблюдатель наделяет их структурой [8, с. 92].

Каждый живой организм не создает окружающую действительность сам, но в момент рождения оказывается окруженным этой действительностью [22, p. 1]. Следовательно, он имеет свою «нишу» («niche») среды – область взаимодействий, в которые данный ор-

ганизм вступает, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность [16, р. 1, 6, 12]. В описываемой ситуации он представляет собой *замкнутую* систему, которая существует в уникальных условиях. Учитывая свою организацию и структуру, живая система определяет сферу взаимодействий с окружающей средой, в которую она может вступать, сохраняя свою идентичность [21, pp. 9-10, 32]. Из этого следует, что живая система и среда составляют единое целое и не могут существовать изолированно [19, pp. 115–117]. Условия ниши по сравнению с условиями среды других подобных организмов и во многом похожи, и различны. При этом не существует ни одного известного способа, обеспечивающего передачу объективной информации о нише и готовых знаний человека об условиях его среды другому. Это – уникальные данные, которые индивидуальная личность должна учитывать, чтобы выжить. Единственным способом обмена информацией между людьми является обмен сигналами, на основе интерпретации которых знание самостоятельно выводится коммуникантами – язык [21, pp. 9–10, 32].

Согласно мнению представителей теории биологии познания, наличие нервной системы расширяет сферу взаимодействий организма. По этой причине возможными становятся взаимодействия со своими собственными внутренними состояниями – результатами внешних и внутренних контактов со средой, как если бы они были независимыми сущностями. Эти процессы лежат в основе формирования мышления, в том числе абстрактного (Там же, р. 13, 29). Нервная система также позволяет осуществлять нефизические («non-physical») взаимодействия между организмами – ориентирование друг друга на определенные действия внутри своих собственных когнитивных областей. Это, в свою очередь, становится предпосылкой для реализации процесса коммуникации (Там же, pp. 13–14, 26).

С изложенной точки зрения, процесс познания рассматривается как взаимодействие организма со своей нишей среды, а жизнь – как процесс познания, поскольку на человека оказывает влияние абсолютно все, что его окружает, то есть вся его «экологическая ниша» («ecology») [16, р. 1, 6, 12]. По этой причине конечная цель жизнедеятельности организма в целом и его познавательной деятельности в частности заключается в адаптации к среде («environment») для поддержания целостности своей системы как таковой в постоянно меняющихся условиях существования [21].

Необходимо остановиться на том, что в рамках теории биологии познания возникает новое направление лингвистических исследований, занимающееся изучением природы языка и получившее название «биосемиотики» (от греч. «bios» – жизнь, «semeion» – знак). Оно изучает механизмы использования всевозможных естественных и искусственных факторов, которые в процессе коммуникации становятся знаками во взаимодействиях субъектов общения и окружающей среды [10, с. 203]. Сущность становится знаком – обретает ценность («value») для выживания организма, когда происходит неоднократное взаимодействие этого организма с ней [20, р. 358]. Таким образом, биосемиотика позволяет (примерно) обозначить круг факторов, которые учитывает носитель

языка в процессе вывода значения речевого высказывания.

Согласно мнению представителей теории биологии познания, внимание к роли личностного фактора в ситуации общения и осмыслении высказывания обуславливает, прежде всего, изменение взгляда на понятие «значения». Так, значение рассматривается как оценка влияния изменений окружающей и/или внутренней среды человека на приспособление к ней. Только живые системы способны выводить значение, поскольку только они могут видеть, слышать, чувствовать и говорить [14, р. 195]. Клетки тела постоянно воспринимают сигналы среды и отвечают на них запуском множественных физиологических процессов, позволяющих организму интерпретировать любое воздействие [18, pp. 29–30]. Это позволяет выводить значения поступающих сигналов из совокупности личностных смыслов и реакций организма и эффективно приспосабливаться к среде [14, р. 188, 191; 16, р. 1, 4, 6, 10, 15].

В процессе создания значения языковая личность активно использует свой врожденный потенциал формировать его. При этом значение является «коррелятом индивидуального сознания, не наблюдаемым и не переносимым от коммуниканта к коммуниканту» [4, с. 37]. Оно выводится в результате воспоминания, какой смысл возникал раньше при появлении данных сигналов в ситуациях, подобных этой, то есть в результате догадки, творческого акта, процесса «самосоздания» или «аутопоэза» смысла. Следовательно, тело человека «натренировано» на запоминание опыта коммуникации в прошлом и создание аналогичного смысла [4, с. 45; 21, р. 82].

Интерпретация поступающих сигналов зависит от разных факторов. Среди наиболее важных выделяются особенности познающей структуры; знания, уже существующие на основе индивидуального опыта общения; оценка человеком результатов взаимодействия с окружающей средой; оценка степени соответствия языкового поведения отправителя сообщения потребностям организма получателя. Кроме того, при выводе значения коммуникант учитывает мимику, жесты, интонацию, язык тела, темп и тембр звучащей речи. Все это соединяется («couples») с контекстом – условиями общения – и способствует выведению соответствующего смысла поступающих извне сигналов [3, с. 109; 14, р. 189; 16, р. 12, 15, 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что для правильного понимания и интерпретации смысла полученного высказывания носитель языка каждый раз заново обращается прежде всего к прошлому опыту взаимодействия с окружающим миром и прошлому опыту взаимодействия с другими коммуникантами и таким образом самостоятельно выводит смысл сообщения.

При интерпретации смысла индивид, помимо прочего, обращается и к некоторым механизмам, помогающим ему правильно понять высказывание. В рамках описанной концепции человек усваивает их на основе получаемого опыта интерпретации подобных сообщений в процессе развития, поэтому он просто знает их. В частности, это касается случаев так называемого переносного значения многозначных

слов языка, когда для понимания смысла необходимо применить механизмы переноса наименования, под которыми традиционно понимаются механизмы метафорического и/или метонимического переносов. Обратимся к природе этих механизмов.

Рассматривая эту проблему, В.Г. Гак предлагает следующий механизм метафоры. Так, в примере «Она – лиса» суть процесса употребления многозначного слова «лиса» в значении «хитрый человек» сводится к следующему. Номинативно-непроизводное (далее – ННЗ) или прямое значение слова «лиса» включает ряд сем: категориальную архисему (одушевленное существо) и родовую сему (животное) с видовой дифференцирующей семой (животное с определенными биологическими признаками). Вместе они составляют ядро значения. Периферия слова состоит из потенциальных сем (например, приписываемое лисе качество – хитрость), которые чаще всего служат основой для метафоризации. В результате метафоризации говорящий выстраивает языковой контекст таким образом, что родовая и видовая семы устраниаются и актуализируется потенциальная сема [7, с. 461]. Однако при этом остается неясно, как устраниаются одни семы и как при этом появляются другие. В качестве возможных ответов на поставленные вопросы, принимая во внимание достижения когнитивной лингвистики, можно предположить следующее: располагая знаниями потенциальных сем, при метафоризации говорящий выстраивает языковой контекст таким образом, что в значении слова слушающий прежде всего воспринимает периферийные признаки. Он переносит эти признаки – семы – в ядерную часть («a shift in perspective») [15, pp. 50–52, 69], что обеспечивает понимание слова в необходимом, то есть метафорическом, значении. Более того, при интерпретации смысла метафоры «Она – лиса» как скрытого сравнения («comparison theory of metaphor») индивидуальная личность осознает, что, характеризуя человека, метафорическое высказывание не соответствует реальному положению дел в мире. Это, в свою очередь, подсказывает слушающему поискать вероятные связи между человеком и животным. В результате носитель языка приходит к выводу, что основанием для сравнения в этом случае является признак «хитрость» [17, p. 62]. Очевидно, метафорический перенос основан на выделении *одного* или нескольких признаков, а не их совокупности.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости учета роли говорящего при анализе механизма метафоры: распознать разницу между интерпретацией смысла предложений, в которых слова используются в прямом смысле, и высказываниями, где сочетаемость компонентов не соответствует онтологии мира, посылно только человеку. Это так, поскольку человек обладает способностью описывать окружающий мир только через призму своего восприятия. Данный процесс имеет две формы: говорящий переносит наименования, связанные с ним самим, на иные предметы и явления или переносит названия других объектов и процессов на себя самого и свои действия, если видит сходство с ними. Коммуникант выбирает «носитель метафоры, донора, тело знака» – то языковое выражение, которое «делится» своей

формой с новым понятием [6, с. 125–126]. Также индивидуальная личность в качестве основы метафоризации извлекает из семантической структуры слова одну или несколько сем. Этот компонент получает название «символа метафоры» («vehicle», «meaning focus»).

Принимая во внимание положения теории биологии познания, можно добавить следующее. Познание не отражает связи объективного мира, а создает те, которые соответствуют восприятию субъективной человеческой природы. Однако несмотря на это, имеющиеся у человека знания достаточно адекватны, если они обеспечивают его успешное приспособление к среде и в конечном счете выживание [4, с. 38; 21, p. 5]. В некоторых случаях индивидуальная личность осознает необходимость в номинации такой реалии, для которой в ее сознании нет подходящего наименования. Обязательным условием выхода из сложившейся ситуации является осознаваемое или неосознаваемое нарушение коммуникантом привычного положения дел в окружающей его среде. По этой причине появляются метафорические высказывания, построенные на ассоциациях сравнения, которые по своей природе неточны, противоречивы и указывают на субъективно устанавливаемые связи между предметами и признаками [5, с. 221]. Понимание происходит благодаря тому, что говорящий переносит наименование с одного объекта на другой на основе общих и наиболее ярких ассоциаций сравнения. Они разделяются большинством носителей языка в силу сходного опыта взаимодействия со средой [4, с. 39].

Аналогичным образом работает и метонимический перенос. Человек воспринимает явления поверхностно и недостаточно точно их анализирует: индивидуальная личность выделяет какую-нибудь черту объекта и называет по ней весь предмет в целом. Это выражается в смещении двух различных, но постоянно связанных между собой понятий – метонимии. Она основана на сходстве опыта взаимодействия с миром разных людей, поэтому она столь популярна [5, с. 222, 226].

В рамках описанного механизма понимания метафорических и метонимических значений необходимо также проанализировать, что собой представляет лексическое значение единицы языка, в частности ее ядро. Наиболее актуальной в описанном контексте является теория лексического прототипа, разработанная И.К. Архиповым.

Так, «лексический прототип» является наиболее оптимальной и компактной ментальной структурой, поскольку он обобщает семантические признаки, лежащие в основе всех речевых актуализаций слова. В основе его формирования лежит наивная картина мира обыденных носителей языка. В связи с этим подчеркивается видение объекта *типичными* носителями языка, принадлежащими к определенному обществу и культуре [12, с. 6]. Это и служит основой формирования лексических прототипов слов. В них отражаются наиболее существенные, с точки зрения большинства носителей языка, интегральные и дифференциальные признаки [2; 12, с. 18]. Лексический прототип позволяет отказаться от учета узких и редко встречающихся значений слова в пользу того, что известно в связи с

определенной формой любой индивидуальной личности. При этом природа значения и механизм его формирования, очевидно, остаются идентичными во всех языках в силу тождественности человеческой природы и, в частности, нейрофизиологических процессов восприятия и категоризации чувственного опыта.

Под лексическим прототипом И.К. Архипов понимает «наилучший представитель» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка, то есть инвариант. Он является «минимальным пучком интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия» [1, с. 25]. При этом признаки, входящие в лексический прототип, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Все это дает возможность представить совокупность необходимых для каждой ситуации общения смыслов, которые известны любому носителю языка [1].

Природа лексического прототипа такова, что он оказывается единицей значительно более высокого уровня обобщения и отвлечения от конкретных признаков предмета. Исходя из этого лексический прототип является основой для формирования всех лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) конкретной словоформы (номинативно-непроизводных, метафорических и метонимических) [2, с. 117–119].

Лексический прототип реализуется в двух разновидностях: «ближайший» и «дальнейший». «Ближайшим лексическим прототипом», характеризующим индивидуальную систему языка, является номинативно-непроизводное значение – значение многозначного слова, которое первым приходит на ум большинству носителей языка, когда им предьявляют соответствующую языковую форму. Расширив содержание ближайшего лексического прототипа слова (например, прилагательного *hot* – *having a high temperature* [9]), И.К. Архипов предлагает ввести компонент сравнения, лежащий в основе метафорических значений. Это делается, чтобы сформулировать инвариантное значение или «дальнейший лексический прототип», характеризуемый высшей степенью обобщения (*hot – having a high temperature or a feature like high temperature* (Там же)). Это придает лексическому прототипу статус семантического ядра, достаточно компактного для хранения в долговременной памяти. «Прикладывая» лексический прототип к ситуациям общения, коммуникант получает возможность мгновенно выводить семантические признаки сущности, релевантные в данном контексте [1]. Таким образом, лексический прототип обеспечивает основу для вывода всех значений и словарных дефиниций, доступных коммуниканту.

В результате, согласно теории лексического прототипа, все возможные значения слова – в том числе метафорические и метонимические – оказываются равнозначными – актуализациями, равноудаленными от прототипа и не зависящими друг от друга.

Рассмотрим функционирование описанного механизма на примере интерпретации значений современного многозначного прилагательного «hard», лексический прототип которого можно сформулировать как *ассмотримсмотрим функционирование описанного механит were* [13]. Применим данное содержательное ядро для анализа возможных актуальных значений прилагательного, в том числе метафорических.

Итак, реконструкция механизма вывода значения исходит из того, что коммуникант в процессе анализа высказываний и их контекстов понимает, что смысл составляющих их слов соответствует или не соответствует реальному положению дел в окружающем мире. В случае примеров прямых употреблений прилагательного индивидуальная личность осознает, что речь идет о признаках конкретных предметов. Соответственно обозначающие их семы совпадают со сформулированным «усредненным» ННЗ.

He shuffled his feet on the **hard** wooden floor (COBUILD) = He shuffled his feet on the wooden floor that *offered resistance to an external physical pressure*.

This ice-cream is as **hard** as rock (Longman Dictionary of the English Language and Culture) = This ice-cream *offers resistance to an external physical pressure*.

Для вывода значения переносных ЛСВ носитель языка предположительно использует следующий механизм. Логично предположить, что у каждого человека есть полное (более или менее полное в зависимости от его личностного опыта) представление о массе признаков, которые характеризуют некоторую сущность. Поэтому у носителя языка есть и теоретически неограниченная возможность обсуждения этих признаков. Исходя из этого совокупность всех знаний индивидуальной личности о признаках некоторого твердого предмета можно обозначить словом *hard*.

Однако коммуниканты в любой ситуации общения говорят о конкретных признаках, существующих в конкретных условиях, а не об абстракциях и потенциальных качествах. Следовательно, основой формирования значения в данном механизме является *один* аспект опыта носителя языка (то есть выделяется только один признак твердого предмета), полученный при освоении твердых предметов и взаимодействии с ними. Он обозначен *hard₁ object₁*. Так, в частности, коммуникант знает, что твердые предметы обладают свойствами, которые обеспечивают их устойчивость к внешним воздействиям: «A hard object is resistant enough to withstand an external pressure». Выделение именно этого аспекта опыта в памяти человека является основой построения *метонимического* значения: *hard* → *мнн hard₁ object₁*.

Знание ННЗ, а также описанного метонимического значения, основанного на опыте, точнее, на воспоминаниях о реакциях тела на определенное воздействие, могут быть использованы коммуникантом при формировании некоторых актуальных значений прилагательного в некоторых речевых контекстах. При этом выделенный признак твердого предмета (*hard₁ object₁*) является основой для обозначения признака другого предмета: *hard₂ object₂*. Если два сравниваемых предмета онтологически различны (и даже противоположны), то переименование может происходить только на основе метафоризации:

- при описании качества характера человека (*hard₂ object₂*): «*Not easily impressed or moved, unfeeling, callous, hard-hearted*» (Shorter).

He can be such a **hard** taskmaster (Shorter) = As a taskmaster, he can be *resistant to influence like a physical object subjected to an external pressure*.

Чтобы вывести актуальное значение «бесчувственный», слушающий рассуждает следующим обра-

зом. Восприняв подобную форму прилагательного на фоне данного речевого контекста, языковая личность видит в нем несоответствие обычному положению дел в окружающем мире – прилагательное «hard», изначально обозначающее свойства твердых предметов, употребляется с одушевленным существительным. Поскольку большинство носителей языка обладают сопоставимыми картинками мира и знаниями конкретного языка, участники коммуникации по умолчанию воспринимают нарушения системных норм как проявления языковой игры, в первую очередь. Оценив ситуацию, слушающий ищет прежде всего вариант, альтернативный описанному несоответствию. При сопоставлении двух ситуаций, связанной с абстрактным описанием свойств твердых предметов, с одной стороны, и характеризующей качества личности – с другой, коммуникативный опыт носителя языка подсказывает, что предметом высказывания является характеристика черт поведения человека. Иными словами, прилагательное «hard» выступает в метонимическом значении «твердость», отражающем одно из свойств предмета ($hard_1 object_1$) – его устойчивость к внешним воздействиям. Одновременно в данном контексте это прилагательное оказывается соотносимым с понятием о свойстве характера человека ($hard_2 object_2$). Таким образом коммуникант снижает уровень неопределенности своего сознания в отношении описываемого объекта и останавливается на общей формуле соотношения конкретной связи и ее возможного переосмысления с помощью сравнения: «A characteristic of a person is **like** that of a physical object withstanding an external pressure». Учет всего сказанного подсказывает вывод актуального значения прилагательного на основе метонимического и метафорического переносов: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$.

Можно предположить, что в рассматриваемом контексте коммуникант имеет возможность привлечения прагматического компонента. Из этого следует, что взаимодействие как с твердым предметом, так и с черствым человеком оставляет в памяти носителя языка воспоминания. Вероятнее всего, в описанной ситуации они будут неприятными. Однако если поменять условия общения, то эта ситуация может стать источником положительных эмоций. Следует помнить, что рассмотрение и анализ в рамках коммуникативной ситуации прагматического эффекта не является языковым механизмом. Условия общения можно изменить «за пределами системы языка», поскольку информация о прагматическом отношении генерирует языковая личность, основываясь на собственной интерпретации характеристик общения;

- приведенное выше метонимическое значение ($hard_1 object_1$) может также использоваться в ситуации описания свойств согласных звуков ($hard_2 object_2$): «*Velar, guttural, not palatalized*» (*Webster's Third New International Dictionary*).

When «æ» is preceded by the gutturals **hard** «g» or «k» (Shorter) = When «æ» is preceded by the gutturals «g» or «k» that create a barrier for the airstream flow **like** a physical object.

Создавая речевой контекст и рассуждая аналогичным образом, говорящий осознает, что прилагательное «hard» будет описывать свойства «твердых» согласных. Известно, что физические свойства звуков

носят опосредованный характер и не могут напрямую влиять на фонетические свойства других звуков речи. Поэтому, используя логику сравнений, коммуникант представляет твердую согласную как звук, произносимый без смягчения и стоящий в таких условиях в слове, которые позволяют сохранять присущие ему характеристики: «A consonant creates a barrier for the airstream and retains its properties **like** a physical object». Это напоминает ситуации взаимодействия с твердыми предметами. Следовательно, обобщая все сказанное, вывод актуального значения «твердая согласная» происходит в результате применения метафорического переноса ($hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$).

Другой механизм основан на использовании иного аспекта «твердости». Так, коммуниканты знают, что твердые предметы обладают свойствами, которые обеспечивают их надежность и устойчивость к внешним воздействиям, а также позволяют быть опорой чего-либо ($hard_1 object_1$). Например, тогда, когда необходимо, чтобы предмет выдержал некоторое давление: «A hard object maintains its integrity when subjected to an external physical pressure». Этот опыт используется как основа формирования метонимического значения: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1$.

В отношении этого значения в следующих речевых контекстах можно применять процедуру анализа, аналогичную механизму выше;

- при описании физического состояния живых существ ($hard_2 object_2$): «*Capable of great physical exertion and endurance*» (*Shorter*).

Nice animals in good **hard** condition (Webster's Third New International Dictionary) = Nice animals being in good condition that makes them *stable enough to withstand untoward influences of an external physical force, as it were*.

Носитель языка понимает, что в данном высказывании прилагательное «hard» описывает состояние животных. Известно, что оно является результатом интерпретации рецепторами тела влияний внешней среды. Это состояние обеспечивает способность длительное время выдерживать влияние внешних сил и обстоятельств и не может быть «твердым» в прямом смысле этого слова ($hard_1 object_1$). Несоответствие привычному положению дел в мире заставляет как слушающего, так и говорящего искать возможное сходство между твердостью физического предмета, с одной стороны, и состоянием животных – с другой: «The condition of animals makes them withstand untoward negative circumstances **as if** it were an external physical pressure». Такая логика рассуждения позволяет вывести актуальное значение «выносливый» на основе применения механизма метафорического переноса ($hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$).

При попытке изменения свойств и целостности твердого предмета индивидуальной личностью необходимо приложить значительные усилия ($hard_1 object_1$): «One needs to make much effort to change the properties (including integrity) of a hard object by applying a physical pressure». Подобные действия являются основой метонимического значения прилагательного: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1$.

Описанный опыт может использоваться коммуникантами для построения метафорических значений, например:

• при описании умственных процессов (*hard₂ object₂*): «*Difficult to penetrate with the understanding, not easy to understand or explain*» (*Oxford English Dictionary*).

A **hard** saying, no doubt, but it has its meaning (Webster's Third New International Dictionary) = A saying requires much effort to understand as if it involved changing of the integrity of a physical object by applying an external physical pressure.

Носитель языка знает, что трудоемкий умственный процесс работы требует затраты значительных мыслительных усилий. При построении актуального значения – «сложный» – говорящий или слушающий соответственно осознают, что в высказывании нарушается привычное положение дел в окружающем мире. Исходя из своего опыта они ищут аналогии с физическим процессом изменения целостности твердых предметов. В обоих случаях необходимо затратить большое количество сил и энергии: «A mental operation requires much mental effort like one needs much physical effort to change the properties of a physical object by applying an external pressure» (*hard₁ object₁ →_{mmf} hard₂ object₂*);

Наконец, коммуникант выделяет следующий аспект опыта (*hard₁ object₁*) для формирования метонимического значения: *hard →_{mmf} hard₁ object₁*. При столкновении человека с твердым предметом последний оказывает сопротивление и сохраняет свою целостность. В этих условиях он может непосредственно воздействовать на тело индивидуальной личности: «One is affected when dealing with a hard object, which can impinge on the body». Следует отметить, что влияние твердого предмета однократно, так как если противодействующая сила разрушает этот предмет, то он не возвращается к исходному состоянию.

Данное метонимическое значение используется коммуникантом в речевых контекстах, например:

• при описании радиоактивного излучения большой проникающей силы (*hard₂ object₂*): «*Characterized by radiation of relatively high penetrating power*» (*Webster's Third New International Dictionary*).

Hard x-rays can penetrate solid objects (Webster's Third New International Dictionary) = Such x-rays can penetrate solid objects that create an impression of as if walking through them.

В данном случае актуальное значение радиация «большой проникающей силы» формируется с учетом того, что рентгеновские лучи представляют собой особый поток энергии, образованный движением электронов. При этом коммуниканту достаточно знать, что такое излучение – радиация – может проникать через ткани тела и воздействовать на них, подобно твердому предмету. Однако радиация не наносит индивидуальной личности мгновенных повреждений, как это происходит в случае с твердым предметом. Она невидима и имеет отсроченное влияние на человека: «X-rays penetrate living tissues like a physical object when it impinges on a body» (*hard₁ object₁ →_{mmf} hard₂ object₂*).

С учетом всех значений, подвергнутых анализу, можно заключить, что лексический прототип является итогом формирования коммуникативного опыта создания речевых значений и одновременно основой для вывода значений формы слова, появляющейся в

зоне активного внимания слушающего. Из своего речевого опыта и опыта взаимодействия с окружающим миром языковая личность знает минимально необходимые признаки внешних данностей, а также схемы вывода необходимых речевых значений. Коммуникант в роли отправителя или получателя сообщения имеет возможность выделения и осмысления конкретного предмета и его признаков либо как абстрактной сущности, либо в виде прямых или переносных номинаций – последних посредством использования механизмов «like» «как», «as if» «как будто», «as it were» «как если бы» [11, с. 26], отработанных практикой миллионов носителей языка. Человек применяет именно этот простой механизм, доступный для всех членов языкового коллектива, так как он основан на очевидных аналогиях.

Кроме того, любой метафорический перенос всегда предполагает первоначальную метонимизацию и предпосылки для метафоры кроются в метонимической проекции, т.е. в метафоре исходная или/и конечная концептуальные сферы должны рассматриваться на основе метонимии. Это происходит потому, что для метафоры не свойственно структурировать всю концептуальную сферу исходного понятия, а только ее составные части, точнее, одну или несколько частей, соответствующих одному центральному признаку или признакам («salient feature(s)»). Человек выделяет для себя эти части или признаки из их совокупности и находит другую сферу, структура которой включает какие-то из подобных частей или признаков. Именно они используются как основа для сравнения, то есть метафоризации. При этом прямые связи между сущностями и их характеристиками устанавливаются на основе метонимических абстракций.

Таким образом, представленный механизм метафоры обладает следующим преимуществом: он учитывает специфику познания индивидуальной личности и категоризации ей окружающего мира: каждый человек имеет разный опыт взаимодействия со средой и поэтому структурирует окружающий мир по своему. Тем не менее, сходство условий, в которых живет и получает образование коммуникант, дает ему возможность успешно выводить значение поступающих извне сигналов [21].

Литература

1. Архипов, И. К. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи / И. К. Архипов // К юбилею ученого : сборник научных трудов, посвященных юбилею Е. С. Кубряковой. – Москва : МГПУ, 1997. – С. 24–28.
2. Архипов, И. К. Язык и языковая личность / И. К. Архипов. – Санкт Петербург : Книжный Дом, 2008. – 248 с.
3. Архипов, И. К. Лексические прототипы и явление полисемии / И. К. Архипов // Прототипические и непрототипические единицы в языке : коллективная монография / под редакцией С. Ю. Богдановой, Т. И. Семенов. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – С. 101–124.
4. Архипов, И. К. Описание языка как отражение познания и самопознания / И. К. Архипов // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – Санкт Петербург : Издательство СПбГУЭФ : Лингва, 2009. – С. 37–55.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; перевод с французского К. А. Долинина, под редакцией Е. Г. Эткинда. – Москва : Либроком, 2009. – 384 с.

6. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 648 с.
7. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
8. Имото, С. Ничто как наполненность: «Путь» Лао-цзы и «Субстрат» Матураны / С. Имото ; перевод с английского А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания*. – 2009. – № 2. – С. 87–99.
9. Левчина, И. Б. Развитие семантической структуры синестезических прилагательных : специальность 10.02.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Левчина И. Б. – Санкт-Петербург, 2003. – 18 с.
10. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания / А. В. Кравченко. – Иркутск : Издательство БГУЭП, 2008. – 319 с.
11. Песина, С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики : специальность 10.02.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Песина С. А. – Санкт-Петербург, 2005. – 36 с.
12. Песина, С. А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «тело человека») / С. А. Песина. – Магнитогорск : МГТУ, 2003. – 123 с.
13. Румянцева, А. С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough) : специальность 10.02.04 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Румянцева А. С. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
14. Arkhipov, I. K. Biology of cognition, biosemiotics and second language acquisition / I. K. Arkhipov // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* ; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 185–213.
15. Bartsch, R. Generating polysemy: Metaphor and metonymy / R. Bartsch // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* ; ed. by R. Dirven, R. Poerings. – 2002. – Vol. 20. – P. 49–74.
16. Cowley, St. J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St. J. Cowley // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 1–33.
17. Gibbs, R. W. Speaking and Thinking with Metonymy / R. W. Gibbs // *Metonymy in Language and Thought*; ed. by K. Panther, G. Radden. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. – P. 61–76.
18. Hoffmeyer, J. A Biosemiotic Approach to Health / J. Hoffmeyer // *Signifying Bodies. Biosemiotics, Interaction and Health* ; ed. by St. J. Cowley, J. C. Major, S. Steffensen, A. Dinis. – Braga, 2010. – P. 21–43.
19. Järvillehto, T. The Theory of the Organism-Environment System as a Basis of Experimental Work in Psychology / T. Järvillehto // *Ecological Psychology* ; ed. by B. H. Hodges, C. A. Fowler. – 2009. – Vol. 21, Issue 2. – P. 112–120.
20. Kravchenko, A. V. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences / A. V. Kravchenko // *Constructivist Foundations*. – 2011. – Vol. 6, № 3. – P. 352–362. – URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/journal/3/352.kravchenko> (дата обращения: 27.09.2022). – Text : Electronic.
21. Maturana, H. R. Autopoiesis and Cognition / H. R. Maturana, F. J. Varela. – Dordrecht : Reidel Publishing Company, 1980. – 143 p.
22. Varela, F. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1991. – 308 p.

A.S. Rumyantseva

METAPHOR NOTION IN THE LIGHT OF LEXICAL PROTOTYPE THEORY

The article deals with the mechanism of the speaker's interpretation of indirect word meaning from the point of view of biology of cognition. From this perspective, language is one of the biological functions of the organism which makes it possible to adjust to the environment and to survive. Indeed, the individual generates the actual word meaning every time anew taking into account their experience of interpreting similar cases and using the most laconic mental structure which generalizes minimal integral and distinctive word features, i.e. lexical prototype. When interpreting metaphoric (indirect) word usage the speaker first singles out one feature from the set of those characterizing an entity (i.e. metonymic transfer). Then this feature becomes the base for metaphoric transfer which relies on conscious departure from habitual world vision.

Biology of cognition, biosemiotics, language, speech, communication process, lexical prototype, metaphoric transfer, metonymic transfer.